

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А.Л. НАЛЕПИН

ДВА ВЕКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА:

ОПЫТ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ОСВЕЩЕНИЕ ПОДХОДОВ
В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ РОССИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США
В XIX–XX СТОЛЕТИЯХ

к 1412158

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2009

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ОНЧУКОВА

Русский Север издавна привлекал внимание фольклористов и этнографов. В силу различных обстоятельств этот край до последнего времени сохранял черты быта прошедших столетий, а также многие жанры фольклорных произведений, которые уже исчезли в других районах нашей страны. В XVIII веке на Север отправляются первые научные географические экспедиции, а с XIX века начинается фольклорно-этнографическое исследование этого района. Работа нескольких поколений ученых дала возможность подвести некоторые итоги изучения этого региона и, в частности, создать целостную картину бытования фольклорных произведений на Русском Севере. Важную роль в этом сыграл известный русский фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков.

Он исследовал жизнь народа в различных аспектах — как этнограф, историк, археолог, лингвист, но все же на первое место он ставил изучение фольклора. Н.Е. Ончуков был одним из немногих ученых, проводивших комплексное изучение Русского Севера. Чем бы он ни занимался, все труды его вносили заметный вклад в отечественную фольклористику и этнографию — будь то записи былин на Печоре, исследования по истории старообрядчества на Низовой Печоре или же народной драмы.

«Первый, кто применил методику Гильфердинга к сказкам, был Н.Е. Ончуков, — писал М.К. Азадовский. — “Северные сказки” были первым сборником, в котором материал был распределен не по сюжетам, а по сказочникам, и в котором были сообщены подробнейшие сведения о сказочниках, об условиях бытования сказки в крае, об отношении к ней населения, об отражении в сказках местной природы и быта и т. п. Этому сборнику предшествовал том “Печорских былин” (1904 г.), изданный в том же плане» (Азадовский, 1963, 244). С ува-

жением отзывался о трудах Н.Е. Ончукова С.Ф. Ольденбург, предлагая присудить ему за сборник «Северные сказки» большую золотую медаль Географического общества (Ольденбург, 1909, 17), Е.Н. Елеонская (Елеонская, 1909) и другие. Выход «Северных сказок» имел огромное значение для всей русской фольклористики и был первым в серии сборников подобного типа (Д.К. Зеленина (Зеленин, 1914), Б. и Ю. Соколовых (Соколовы, 1915) и других).

Научная деятельность Н.Е. Ончукова исследована не в полном объеме. До революции 1917 года появлялись лишь рецензии и статьи о его «Северных сказках» и «Северных народных драмах», а ранний период его работы, время создания «Печорских былин» почти не был освещен. Лишь А.Д. Григорьев попытался в какой-то мере обобщить результаты поездок Ончукова в 1900–1902 гг. в своей карте «мест Крайнего Севера Европейской России, в которых были записаны старины <...> сборников Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Ончукова и моего» (Григорьев, 1904, XVI).

После 1917 года деятельность Н.Е. Ончукова также рассматривалась лишь эпизодически. В упомянутой книге М.К. Азадовского работы Н.Е. Ончукова рассматриваются в общем потоке развития русской фольклористики. В довоенной Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), по сути дела, была дана лишь общая оценка деятельности ученого без биобиблиографических данных (БСЭ, 1939, 166). В «Краткой литературной энциклопедии» (КЛЭ) содержится наиболее полный материал о Н.Е. Ончукове, хотя и его нельзя назвать достаточным (КЛЭ, 168, 445).

К.В. Чистов в своей статье о Н.Е. Ончукове рассматривал лишь сборник «Северные сказки» (Чистов, 1957), а работа Н.С. Петрыкиной посвящена их лингвистическому анализу (Петрыкина, 1952). В 1968 году была опубликована статья Ю.Н. Чекрыжова, в которой внимание ученых было вновь привлечено к деятельности этого крупного фольклориста (Чекрыжов, 1968), а в 1982 году появляется первое детальное исследование Т.Г. Ивановой (Иванова, 1982).

Личный фонд Н.Е. Ончукова хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и содержит 200 единиц хранения (РГАЛИ. Ф. 1366, Оп. 1–2). Материалы эти относятся в основном к послереволюционному периоду его научной деятельности. Эти работы, большинство из которых до сих пор не опубликовано и остается неизвестным для этнографов и фольклористов, позволяют подробнее представить жизненный путь Н.Е. Ончукова.

Николай Евгеньевич Ончуков (3 марта 1872 — 6 марта 1942) родился в семье кустара-скорняка. Впечатления детства легли в основу его неопубликованной этнографической работы «Выделка кож в Сарапуле» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 11), где он воссоздал обстановку провинциального кустарного производства. Как у любого русского разночинца, путь Н.Е. Ончукова к знаниям был труден: получение образования легло нелегким материальным бременем на его семью.

В автобиографии 1917 года он писал: «Учился сначала в приходском, затем в уездном училище, в среднюю школу поступить не было средств. Но в 18 лет, в 1890 г., удалось все же не без труда поступить в Казанскую школу лекарских помощников. В 1892 г., только что перейдя на 3-й курс, сам вызвался работать на свирепствовавшей тогда холере сначала в родном Сарапуле, затем в Чистопольском уезде Казанской губернии. От военной службы был освобожден навсегда: страдал грыжей, был искривлен позвоночник и имел плохое зрение. Окончил школу и поступил фельдшером в село Сосновку (Удмуртский край), где пришлось работать на эпидемии тифа, скарлатины и дифтерита и где заразился тяжелой формой пятнистого тифа. Выздоровев, два года заведовал самостоятельным фельдшерским пунктом в селе Насадки Пермского уезда и губ. Но потянуло в город к книгам, театру, и я перебрался в Пермь и за неимением мест в земстве пришлось взять должность фельдшера в пересыльной тюрьме. Но недолго пришлось поработать здесь (с полгода): за сношение с политическими (Медынцев и др.), за передачу им писем, книг и пр., тюремным инспектором (Взвосков) был уволен со службы и отдан под надзор жандармской власти. Еще работая в тюрьме, завел сношения со столичной прессой («Неделя», «Сын Отечества», «Северный Курьер» и др.)» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Н.Е. Ончуков стал активно заниматься журналистикой еще в 1897 году, когда в газетах Перми и Екатеринбурга появились его первые фельетоны на злободневные темы. Он сотрудничал в таких провинциальных изданиях, как «Вятский край», «Пермский вестник», «Урал», «Рудокоп», «Северный край» и других. Сам ученый считал 1899 год началом своей научной деятельности, когда в «Сборнике Пермского земства» были напечатаны его первые три статьи, посвященные библиотечному делу.

Журналистская деятельность и частые поездки позволили Н.Е. Ончукову детально узнать жизнь Пермского края и во многом

способствовали успеху его первой этнографической экспедиции на Вишеру, Колву и Печору.

Долгие годы Н.Е. Ончуков считал журналистику главным делом своей жизни и весьма скромно отзывался о своих научных исследованиях. Недаром в автобиографии он скупно писал о петербургском периоде своей жизни: «Я уехал в Петербург и стал сотрудничать в газетах, а по летам получал командировки от Географического общества и ездил на Север для этнографических исследований. С 1900 по 1908 год объехал весь север России и часть Пермской губ. и напечатал ряд статей в этнографических журналах и целых три книги (“Печорские былины”, “Северные сказки” и “Народные драмы”), за что получил от Географического общества одну серебряную и две золотые — малую и большую золотые медали (см. Отчеты Географич. общества). За это же время я успел окончить вуз — Археологический институт в Петербурге» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Между тем именно в этот период он выдвинулся в авангард отечественной фольклористики, стал активным членом кружка, группировавшегося вокруг журнала «Живая старина», где сотрудничали такие фольклористы как Д.К. Зеленин, М.Б. Едемский, В.И. Чернышев и другие. Деятельность группы поддерживали и поощряли такие ученые, как Алексей Александрович Шахматов и особенно Владимир Иванович Ламанский, которого Н.Е. Ончуков считал своим учителем, который «вообще первый направил меня на занятия этнографией» (Ончуков, 1904, 1; Ончуков, 1934, 233).

С 1900 года благодаря поддержке А.А. Шахматова и В.И. Ламанского Ончуков стал «членом-сотрудником» Императорского Русского Географического Общества по Отделению этнографии.

Сотрудничество в петербургских газетах не давало Н.Е. Ончукову гарантированного заработка, а этнографические поездки представляли возможность, хотя бы на летний период, не изыскивать средств к существованию, так как Географическое Общество выделяло для этих целей определенные суммы. В «Отчете» Общества за 1902 год сохранились, например, сведения, что на поездку в Печорский край Н.Е. Ончуков получил 360 рублей (Отчет, 1903, 29). Кроме того, он заключал с некоторыми газетами соглашения о публикации корреспонденции из своих поездок.

Весьма характерным в этой связи является письмо Н.Е. Ончукова издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину, написанное в том же году: «Недавно возвратившись с Печоры и работая, по желанию

Владимира Ивановича Ламанского, над докладом в Географическое общество, я до сих пор крайне мало сделал в “Новое время” для погашения моего долга Вам. Кроме того, поступил еще вольнослушателем в Археологический институт, что также отнимает немало времени. Очень прошу, Алексей Сергеевич, извинить меня за медленность, — по окончании доклада (в ноябре) займусь работой в “Новом Времени” всецело.

На Печоре я открыл существование былин, до сих пор там только предполагавшихся, образцы которых переданы Владимиром Ивановичем 2-му отделению Академии наук и будут напечатаны в “Известиях” отделения. Кроме материала по этнографии общего характера, я приобрел на Печоре несколько памятников древней русской письменности и очень интересную раскольничью рукопись (еще никем не изданную) о самосожженцах на реке Пижме. Еще раз приношу Вам, Алексей Сергеевич, глубокую благодарность за содействие по поездке на Печору и остаюсь всегда готовый служить. Н. Ончуков» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3075). О работе Н.Е. Ончукова в газете «Новое время» свидетельствовал и В.В. Розанов, особо подчеркивая успешные фольклористические изыскания молодого журналиста (Розанов, 1918, 6).

Первая экспедиция Н.Е. Ончукова состоялась летом 1900 года, когда «с открытым листом Императорского Русского географического общества в качестве собирателя материалов по этнографии» он ездил на Вишеру Чердынского уезда. Исследовав район реки Вишеры, Ончуков «проехал еще всю Колву, всю населенную Унью и Печору в пределах Чердынского уезда» (Ончуков, 1901, 7). Часть маршрута вместе с Н.Е. Ончуковым проделал вольнослушатель Художественного училища при Академии художеств П.П. Беркутов и фотограф из Чердыни Юхиев. Поездка заняла около двух месяцев, и за этот срок, передвигаясь пешком, на лодках, лошадях, Н.Е. Ончуков собирал этнографический материал. Собираением фольклора он практически не занимался, лишь однажды записал несколько фольклорных текстов: «Мы прожили в Сыпучих два дня — художник писал этюды, а я записывал песни» (Ончуков, 1901, 7).

На Вишере его заинтересовали памятники языческих культов — огулов (манси). Он расспрашивал жителей о местах, где они сохранились, «смотрел так называемый “Полюд-камень”, пытаясь найти пещеру, где совершались культовые обряды. В районе горной Вишеры ему удалось узнать историю другого памятника, который местные

жители называли “Писанный камень”, по преданию стоявший на границе между владениями русских и вогулов (манси). Н.Е. Ончуков привел координаты этого памятника, сообщил о его размерах, надписях и рисунках на нем, а также записал легенды, связанные с этим местом. Из Чердыни он переехал в деревню Усть-Улс, которая заинтересовала его главным образом тем, что жители ее были “обрусевшими вогулами”. Он подробно зафиксировал детали их быта и образа жизни, занятия, религию, провел лингвистические исследования. Они не знали уже никакого языка, кроме русского, “у них русская одежда, все они православные, одни с русскими интересы...”» (Ончуков, 1901, 10).

Н.Е. Ончуков посетил этот район в период его промышленного роста, и его наблюдения ценны также тем, что показывают, как изменился уклад жизни населения «обрусевших вогулов», что сохранилось, а что исчезло вместе с развитием промышленности в этом «вишерском Париже», как он называл Усть-Улс. Ончуков зафиксировал динамику уклада жизни, что дало ценный материал не только для этнографов и фольклористов, но и для историков, занимающихся проблемами капиталистического развития ранее отсталых районов (Введенский, 1946).

В путевых очерках Ончукова много обличительного материала: он писал об эксплуатации вогульских рабочих при постройке завода Кутима, об использовании детей в качестве «гонщиков» лошадей на Велсинском заводе. Однако главное для него — этнографические исследования, и поэтому он записывает рассказ старика вогула о последнем вогульском князе, после убийства которого вогулы «подошли под русского царя»; посещает культовую пещеру в районе Велсинского завода, рассказывает об археологических раскопках, производившихся в этой пещере.

Видимо, вогульская культура заинтересовала Н.Е. Ончукова, и вместе с художником П.П. Беркутовым они совершили поездку и к кочевым вогулам. Ончуков подробнейшим образом описал эту поездку: дорогу, почву, деревья, погоду и т. д. В книге нет иллюстративного материала, но рассказы воссоздают живую картину вогульского быта. Н.Е. Ончуков привел размеры чума, сообщил о материале, из которого он изготовлен, о его внутреннем убранстве. Он рассказал и о религиозных верованиях и церемониях кочевых вогулов, об их посуде, о том, как готовится пища, и т. д. Н.Е. Ончуков дал также подробное этнографическое описание русского населения, живущего по реке Вишере.

Весь июнь и половину июля 1900 года провел Н.Е. Ончуков на Вишере, а затем отправился на Колву и Печору к раскольникам. «Мечта моя, — писал он, — была пробраться с Колвы на Печору, а оттуда сплыть до устья ее и через Архангельск воротиться в Петербург» (Ончуков, 1901, 23). В первую очередь интересовал его район по Колве, ограниченный деревнями Ветлан и Тулпан. Когда-то «эта местность была частью, отвергаемой, впрочем, многими учеными, мифической *Биармии* или *Биармландии*, страны с довольно высокой культурой, торговой, сносившейся как с далеким Востоком, так и с европейским Западом» (Ончуков, 1901, 9). Следов *Биармии* Ончуков не нашел.

С горечью писал он о памятниках старины, которые погибли от огня или от «косности или непростительного индифферентизма лиц, хранить древности которым, казалось бы, прямая обязанность» (Ончуков, 1901, 25). Сам Н.Е. Ончуков составил подробное описание иконостасов и архитектуры церквей в селах Вильгорт, Цыдва, Янидор, Искор, Ныроб.

Поднимаясь вверх по Колве, он провел целый комплекс исследований. Изучал назначение и устройство лодок на Колве и записал их местные названия, дал описание реки, посетил пещеру, которая, по его мнению, была «чем-то вроде языческого капища, ибо при ломке камня на дне ее нашли много различных древних вещей и что-то, что крестьяне называли мне “чудскими иконками”» (Ончуков, 1901, 31).

В Тулпанской волости он встретился с живущими там старообрядцами, и тема раскола с его многочисленными ответвлениями захватила его. Изучая историю раскола в Тулпанской волости, он попытался обнаружить воспоминания о протопопе Аввакуме и Иосифе Истомине, которые занесли раскол в Пермский край. Однако, писал Н.Е. Ончуков, «наблюдения над раскольниками на Колве не удовлетворили меня, и я вздумал съездить на Унью и на Печору». Попутно составляя этнографические заметки о районе р. Уньи, он, наконец, попал на Печору в деревню Усть-Унья и, продвигаясь вверх по Печоре, дошел до деревни Камешок: «Камешок — это последняя деревня и вообще какое-то бы ни было жилье на Печоре к вершине» (Ончуков, 1901, 34).

Два месяца длилась эта поездка, была охвачена огромная территория, и собран обширный и ценный этнографический материал, который лег в основу его работы «По Чердынскому уезду». Одновременно он готовил работу о тулпанских раскольниках, но, отвлек-

шись другими исследованиями, оставил этот замысел неосуществленным.

Н.Е. Ончуков работал не в стационарных условиях, но тем не менее материал, собранный им, не носит отпечатка спешки: это обстоятельно записанный материал, который трудно получить, даже работая стационарно. В 1923 году Ончуков еще раз совершил поездку в Чердынский край. В этой поездке записей он делал мало, главным образом приобретая для Пермского университета, где он работал в то время, предметы народного быта. По тону его отчета чувствуется, что ему грустно было проезжать по местам своей научной юности (Ончуков, 1924.)

В 1901 году Н.Е. Ончуков продолжил полевую работу в бассейне Печоры. На этот раз он поехал на среднюю и нижнюю Печору с целью записывать былины. Интерес к былинам возник у него во время поездки по Чердынскому краю. На Вишере, в деревне Велгура он записал два небольших отрывка про «Микиту Добрыньевича», затем в Усть-Улсе, Голоскове и Акчипе пытался также сделать записи, но безрезультатно: люди неохотно сообщали ему сведения о былинах. На Колве и на верхней Печоре «о былинах слышно плохо, и ничего я там, хотя и был, не записал, хотя утверждать, что былин там нет, не решаюсь» (Ончуков, 1902, 19).

С Печорой Н.Е. Ончуков связывал большие надежды: «Зная, что два года назад г. Марков записал свои “Беломорские былины” на Зимнем Берегу Белого моря, а А.Д. Григорьев в Поморье, я, естественно, поинтересовался, нет ли былин и на Печоре, хотя наличность их там одним из прежних исследователей-этнографов и отрицалась» (Ончуков, 1925, 281). Против бытования былин на Печоре говорили сведения С.В. Максимова, прожившего в Поморье, на Мезени и на Печоре в 1855–1856 гг. и утверждавшего, что на Печоре про былины он «даже не слышал», а также данные Ф.М. Истомина, который специально интересовался былинами, два раза был на Печоре (в 1889 и 1891 гг.) и пришел к твердому убеждению, что былин на Печоре нет (Истомин, 1891).

В пользу же существования былинной поэзии на Печоре говорили факты, основанные на выводах, опирающихся на собственные поездки Ончукова по Чердынскому уезду, а также материалы экспедиции других фольклористов, например, А.Д. Григорьева, сообщавшего, что и «на Печоре знают старины в окрестных деревнях подле Усть-Цыльмы и поют их еще и теперь» (Григорьев, 1904, 16). Позже

Н.Е. Ончуков написал, что, действительно, «слава сказителей былин на Печоре, можно сказать, гремела не только на самой Печоре, но и далеко за ее пределами» (Ончуков, 1925, 272). А.В. Марков, А.Д. Григорьев и Н.Е. Ончуков повторили маршрут Ф.М. Истомина, который был в этих местах за 10 лет до них, и результаты их поездок не только опровергли вывод Ф.М. Истомина, но и были поистине ошеломляющими: А.В. Марков в результате своих поездок выпустил том «Беломорских былин», а А.Д. Григорьев — три тома «Архангельских былин». Н.Е. Ончуков был исследователем, поставившим точку в споре о существовании былинной поэзии на Севере.

Русский Север конца XIX—начала XX века был в некотором смысле местом уникальным. Н.Е. Ончуков писал: «За редкость на Печоре телеги, ездят все больше верхом, а кладь возят на волокушках, и тут же, в этих бездорожных селах, тянутся столбы телеграфа, проволока которого, как нервы, соединяет этот живой кусочек давно прошлой жизни с действительностью XX-го века, кипящего в остальной России» (Ончуков, 1906, 2).

Поездке предшествовала кропотливая подготовительная работа; был составлен маршрут, изучена литература по истории, географии и экономике Русского Севера. Особенное внимание было уделено Н.Е. Ончуковым работам И.И. Лепехина, Н.Я. Озерецковского, В.Н. Латкина, С.В. Максимова, Ф.М. Истомина, П.С. Ефименко и других.

Однако время поездки на Печору в 1901 году Н.Е. Ончуков выбрал неудачно. Выехав из Петербурга в июне, он «приехал на Печору чуть ли не к Петрову дню» (Ончуков, 1903, 1). С.В. Максимов писал: «Чтобы добраться туда обычным, самым употребительным летним путем <...> надо истратить целый месяц и испытать целый месяц десятки препятствий и сотни приключений <...> Посещение Печоры летом — подвиг» (Максимов, 1908, 272). В июне-июле Печора окончательно освобождается от льда и население занимается рыбной ловлей, ему не до песен. Тем не менее, Н.Е. Ончукову удалось записать семь былин, а главное, его предположения о существовании былинной поэзии на Печоре подтвердились.

Эта поездка помогла ему также и в организационном плане. Он точно установил наилучшие сроки записи: это время «от Пасхи до вскрытия Печоры, т. е. время распуты, так как по вскрытию Печоры часть крестьян сейчас же начинают ловить рыбу и кончает это занятие глубокой осенью, когда Печора встанет» (Ончуков, 1903, 1). Од-

нако приехать раньше тоже было нельзя, так как «я рисковал долго прожить на Печоре без дела, и это непременно бы случилось, если бы я приехал на Печору еще в Великом посту, особенно на его последних неделях печорцы-раскольники, да и печорцы-православные <...> едва ли стали мне петь что-нибудь светское в это время» (Ончуков, 1903, 1).

Н.Е. Ончуков всесторонне изучил население низовой Печоры: его историю, религию, быт. Он понимал, что «прежде всего совершенно необходимо полное уважение к убеждениям населения, в особенности к его верованиям, насколько бы они отсталыми и даже дикими ни были в ваших глазах» (Ончуков, 1925, 272). Равноправные отношения с населением, которое с недоверием относилось к человеку из столицы, — этот завет П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга (Гильфердинг, 1872), Н.Е. Ончуков всегда помнил и применял в своей работе. Именно в забвении этого принципа видел он причины неудач Ф.М. Истомина, который «важным барином ездил по Печоре. Останавливаясь на съезжих избах, как крупный петербургский чиновник, он “приказывал явиться” к себе старшине, старосте и “приказывал” <...> привести к себе песенников. Результаты <...> — самые плачевные» (Ончуков, 1925, 279–280).

Н.Е. Ончуков даже с некоторым удивлением отмечал, «что несмотря на то, что Усть-Цильма село раскольников, а Вишера чисто православная, мне большего труда стоило записывать песни на Вишере, чем былины на Печоре... И я уверен, что, если бы я приехал на Печору только хотя месяцем раньше, записи былин достигли бы, по крайней мере, сотни» (Ончуков, 1902, 18).

Доклад Н.Е. Ончукова в Географическом обществе произвел настоящую сенсацию. «В этом докладе, — сообщалось в отчете Общества, — особенный интерес возбудило известие Н.Е. Ончукова о записи им нескольких былин, а также и выраженная им надежда, что при внимательном отношении к делу может представиться возможность записи гораздо большего количества этих народных произведений. Вследствие этого Отделение этнографии и командировало <...> Н.Е. Ончукова в Печорский край специально для записи былин» (Отчет, 1903, 27).

Н.Е. Ончуков выехал из Петербурга на Печору 2 апреля 1902 года, имея при себе «Открытый лист» Географического общества, 5 апреля он прибыл в Архангельск, 7 апреля в справочном отделе «Архангельских губернских ведомостей» появилось сообщение: «Прибыл в Ар-

хангельск член-сотрудник Императорского Русского географического общества Николай Евгеньевич Ончуков — для исследования реки Печоры». «Открытый лист» обладал большой силой, но «сам по себе в деревне мало значил для какого-нибудь станowego пристава, а тем более для урядника — нужно было в губернском городе сходить к губернатору, чтобы он на основании вашего листа из столицы сделал распоряжение своим подчиненным — исправнику этого уезда, куда вы едете, а тот приставам, а те урядникам, иначе всяко могло с вами выйти» (Ончуков, 1925, 283). Встретиться с архангельским губернатором контр-адмиралом Н.А. Римским-Корсаковым ему не пришлось, так как последний 2 апреля выехал в Санкт-Петербург в связи с убийством министра внутренних дел Д.С. Сипягина.

Из Архангельска 6 апреля Н.Е. Ончуков направился на Печору. Стояла ранняя весна, и так как большая часть 800-верстного санного пути проходила по рекам (Северная Двина, Пинега, Мезень, Цильма), то поездка была опасной. Но 12 апреля он был уже в Усть-Цильме. Время для записи было самым удачным, «старинщиков» он знал еще по прошлому году, и, отдохнув три дня, он принялся за работу; с 15 по 21 апреля делал записи в Усть-Цильме, а «когда старинщики отчасти поистошили, а отчасти поутомились, в Фомино воскресенье, 21 апреля, выехал в селения на реке Пижме». Обследовав все деревни на Пижме, кроме трех дальних, где, по рассказам, не было былин, он 26 апреля вернулся в Усть-Цильму и стал ждать вскрытия Печоры, чтобы ехать в Пустозерскую волость. В тот год Печора вскрылась поздно, и до 16 мая Ончуков оставался в Усть-Цильме. Больше записей былин он там не делал, а «записывал исторические и другие песни и сказки, заполнял академическую программу говоров, знакомился с архивом усть-цилемского собора, знакомился с старинными рукописями в частных руках и частью приобретал их».

После полного вскрытия Печоры Н.Е. Ончуков покинул Усть-Цильму и до своего отъезда с Печоры (4 июля) объездил всю Усть-Цилемскую и Пустозерскую волости, весь ижемско-зырянский край (до границы с Вологодской губернией), «а также побывал в оседлом... селении — Колва, которое стоит на р. Колве ж» (Ончуков, 1903, 2). Многих известных на Печоре «старинщиков» он так и не записал, так как не заставал дома (например, известного на всей Печоре И.И. Горенко). Начинался сезон рыбной ловли и сенокоса, записывать больше было нельзя, и Ончуков выехал в села на реке Мезени, чтобы приобрести там старинные рукописи, пергаментные списки, берестяные

книги, которые были переданы затем в Академию наук (Срезневский, 1904).

Всего в поездку 1902 г. Н.Е. Ончуков проехал по Печорскому краю 1925 км, а общая протяженность его маршрута между Петербургом и Печорой, а также на самой Печоре составила более 5300 км. За это время им было записано 46 былинных сюжетов, «а с вариантами (считая былины неполные и отрывки) 82» (Ончуков, 1903, 4–5). Кроме того, он записал девять духовных стихов (по сюжетам), а с вариантами — пятнадцать, песен различных жанров — сорок четыре, сказок — пятьдесят. Записи Н.Е. Ончуков делал в 17 населенных пунктах (в Усть-Цилемской волости в 11 селениях от 23 человек и в Пустозерской волости в 6 селениях от 9 человек). Из 32 сказителей было 10 женщин, из них только одна грамотная, а из мужчин грамотных было двое. Кроме того, он выявил 38 человек, которые былины знают, но не поют.

Таким образом, за два месяца Ончуков обследовал огромный район. Важность стационарных условий он, конечно, понимал, но считал в то же время, что залог успеха заключался не только в длительном пребывании в одном населенном пункте, а в активной «разведке» фольклора, в целенаправленной деятельности исследователя. Недаром позднее, давая советы молодым фольклористам, он видел одну из причин неудач того же Ф.М. Истомина именно в «быстром проезде по местности». Однако Н.Е. Ончуков не отрицал, что «не всегда и продолжительное пребывание на местах плодотворно» (Ончуков, 1925, 281), что и произошло с С.В. Максимовым.

Целью поездки была запись былин. Кроме того, Н.Е. Ончуков хотел выяснить, какие именно былины сохранились на Печоре и в каком виде. «Я решил, — писал он, — так сказать, переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины и по одному разу хотя бы и такие, которые уже известны в массе пересказов, записывая малоизвестные и совсем неизвестные в большем количестве разноречий» (Ончуков, 1903, 4–5). До известной степени обоснованы упреки, которые предъявляли ему исследователи, указывавшие, что он «далеко не исчерпал всего репертуара даже лучших сказителей и пропускал порой наиболее художественные тексты только потому, что сюжет их уже был записан» (Былины Печоры, 1966, 10).

Однако Н.Е. Ончуков располагал ограниченным временем, считал, что в тот момент наиболее необходимым было записывать былины «все вперед и вперед по содержанию». Основная его задача — вы-

явить былинный репертуар Печоры — была решена (состав печорского репертуара был им в основном выявлен, и в этом его большая заслуга).

Запись былин Н.Е. Ончуков производил только с голоса и фонетически точно. Лишь былинку о Святогоре записал с пересказа, так как спеть ее никто не смог. Видимо, Н.Е. Ончуков был одним из последних фольклористов, слышавших эту былинку на Печоре хотя бы в пересказе, так как участники экспедиции Карело-Финского государственного университета 1942 года и экспедиция Пушкинского Дома 1965 года не записали этой былины даже в пересказе (Былины Печоры, 1966).

Главный упор собиратель все же делал на смысловую сторону произведения, а не на фонетическую, ибо «запись произведений народного творчества делается все же для их литературной стороны, а не для фонетики» (Ончуков, 1925, 274). Этим отличались его материалы от записей А.А. Шахматова, например, которого больше интересовал лингвистический аспект.

На Печоре Н.Е. Ончуков решил проблему, с которой в 1890 году столкнулся Ф.М. Истомин, записавший от коми-зырян несколько былин на ломаном русском языке. Ф.М. Истомин предположил, что те заимствовали былины русских, но, как уже упоминалось, его поиски былин на Печоре ни к чему не привели. Записи Н.Е. Ончукова доказали, что коми-зыряне, действительно, заимствовали былины от русского населения Печоры.

При издании Н.Е. Ончуков классифицировал записанные былины по территориальному признаку. Он подразделил их на былины Усть-Цилемской волости и былины Пустозерской волости. Обратив внимание на разницу в говоре двух волостей и в самом репертуаре, он связал это с историей колонизации края. Тот факт, что в Усть-Цилемской волости не знали сюжетов «Бой Васьки Буслаева с новгородцами», «Вольга», «Кострюк», «Идолище» и др., а в соседней Пустозерской волости их знали и пели, и то, что, наоборот, в Пустозерской волости не знали сюжетов «Бутман Колыбанович», «Лука Данилович» и некоторых других, которые были популярны в Усть-Цилемской волости, позволил Н.Е. Ончукову прийти к следующему выводу.

Усть-Цильму основали в XVI веке новгородцы, а Пустозерск в XV веке заселили служилые люди Московского государства, и, кроме того, он был местом ссылки государственных преступников (протопоп Аввакум, боярин Артамон Матвеев, князь В.В. Голицын и другие).

Несколько схематично Н.Е. Ончуков утверждал: «Потомок новгородцев — он не отличает одного царя от другого, а в сущности неясно представляет себе эту власть. Идеалы его в былинах не государственные и политические, а чисто нравственные, общечеловеческие. Совсем не то пустозер. Он твердо знает, что значит царь, и не спутает его ни с кем. Пустозер не запутается и в хронологии. Его очень интересует судьба государства, царей, политическое положение дел, и старины из цикла исторических песен он особенно знает и любит, а своевольный Васька Буслаев едва ли пользуется его сочувствием» (Ончуков, 1903, 13). Следует отметить, что Н.Е. Ончуков не проводил четкой границы между собственно былиной и исторической песней, придерживаясь терминологии самих «носителей» и объединяя их в понятие «старина».

Былины Усть-Цилемской волости Н.Е. Ончуков подразделял на былины Пижмы и былины Печоры, но разницу видел не в содержании, а в говоре сказителей и манере исполнения. Отсутствие взаимного влияния репертуара обеих волостей он объяснял трудностью и даже иногда невозможностью общения жителей двух местностей из-за сложных географических условий и вражды их населения из-за рыбных угодий, что в свое время отметил еще С.В. Максимов.

Н.Е. Ончуков изучил и функциональную роль фольклора в системе духовной жизни печорских крестьян, что было новым для фольклористики того времени. «Старина» не только удовлетворяла эстетические запросы населения. По его мнению, оторванность этого района от остальной России, его глушь, а также то, что «Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII века», заставили «старину» взять на себя еще одну функцию, ее можно было бы условно назвать информационной. «Для большинства все удивительное и необыкновенное в старинах то же, что для нас газеты, также доставляющие всю суть необыкновенного и важного, совершающегося в мире» (Ончуков, 1903, 18), — писал он. Для печорца чудесное в фольклоре — не особенное, а повседневное явление (устоявшаяся вера в колдунов, домовых и т. п.). По его наблюдениям, хотя на Печоре и не было профессиональных исполнителей, но каждая рыболовная артель стремилась иметь у себя «былинщика» или сказочника, выступавших в роли «живой газеты». Однако Н.Е. Ончуков ясно понимал, что былинной поэзии на Печоре не суждено сохраниться: «Когда Печора покроется заводами, которые с занятием, в качестве рабочих, мест-

ных крестьян будут привлекать и полчища “бродячей Руси” из центра России, это нашествие в конце концов свалит старую культуру Печоры, а с ее упадком постепенно исчезнут и былины... Может быть, это и необходимо, как одна из стадий промышленного роста страны, но это грустно» (Ончуков, 1903, 27).

Открытие Н.Е. Ончуковым былинной поэзии на Печоре было неожиданностью для многих, в том числе и для интеллигенции Печоры: «Эта интеллигенция очень повинна в неисполнении <...> программы Гильфердинга, служа десятки лет народу, интеллигенция эта, к сожалению, в большинстве совершенно чужда народу; это какие-то две отдельные нации, друг другу чуждые, друг друга совсем не понимающие, если только не враждующие», — с горечью писал Н.Е. Ончуков. Он отметил, что среди этой интеллигенции был даже действительный член Географического общества по Отделению этнографии (Ончуков, 1903, 22).

Экспедиция 1902 года была удачной, но сожаление об утраченных фольклорных богатствах не покидало Н.Е. Ончукова, который писал: «Я приехал на Печору и вывез оттуда прекрасных былин на целый сборник, который за 10 лет до того Истомин мог бы составить вдвое больше и качеством, может быть, еще лучше» (Ончуков, 1925, 279).

По возвращении в Петербург Н.Е. Ончуков подытожил всю сделанную им за две экспедиции работу. На заседании Отделения этнографии Русского Географического Общества 13 декабря 1903 года он выступил с докладом «Былинная поэзия на Печоре», в 1904 году вышел из печати его сборник «Печорские былины». Больше изучением былин Ончуков не занимался, интерес к этой теме у него пропал. Во время второй поездки на Печору он записал пятьдесят сказок, и новая тема полностью захватила его.

Печорские экспедиции выработали у Н.Е. Ончукова правило, которое стало для него главным в исследовательской работе: «<...> не верить на слово ничему, непременно самому проверить на деле <...> Существуют предвзятые мнения не только об отдельных лицах или местностях, но и о целых огромных областях» (Ончуков, 1925, 282).

В экспедициях Н.Е. Ончуков выработал собственную методику исследований. Он осваивал исследуемый район этапами. Чердынский уезд, например, был ему знаком, так как родной Сарапул был совсем недалеко. Постепенно, шаг за шагом продвигался он к северу, в каждом населенном пункте встречая что-то новое, но отчасти и уже известное ранее. Так было и с районом реки Печоры. Та же постепен-

ность наблюдается и в ознакомлении его с местным фольклором. Он никогда не записывал все бытовавшие произведения подряд. Если он приезжал записывать былины, то на остальные жанры обращал не очень много внимания, но составлял при этом для себя программу записей наиболее «выгодного» жанра на будущее. Другими словами, он *прогнозировал* свою деятельность, в каждой экспедиции твердо зная, что он будет записывать в следующей. Отсюда такая последовательность в смене жанров: сначала записи былин, потом записи сказок и, наконец, народной драмы. Записи других жанров носили случайный характер, и, даже выпуская позднее сборник печорских песен, Н.Е. Ончуков признавался: «Совсем случайно записывал я на Печоре песни, и то, что я записал, конечно, отнюдь не служит исчерпывающим материалом песенного репертуара этой окраины» (Ончуков, 1908, 2). При этом к «отработанному» жанру он не возвращался, хотя наверняка, когда он записывал сказки, ему встречались и былины, но его влекло только новое.

Подобная методика работы требовала, конечно, «доработки» исследуемого района, а этого Н.Е. Ончуков не делал. В результате «остальные разновидности народной поэзии на Печоре <...> в дореволюционное время ни собраны, ни опубликованы не были» (Песни Печоры, 1963, 5), — замечали более поздние исследователи фольклора Печоры. Несомненно, недостатком методики Н.Е. Ончукова было иногда механическое соединение вариантов с целью воссоздания целого текста.

С 1903 по 1907 год Н.Е. Ончуков совершил еще несколько экспедиций на Север России: Поморье, Терский берег Белого моря, Мурманский берег, западное побережье Канда拉克шского залива Белого моря (в 1903 году), Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды Олонецкой губернии, а также Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии (в 1904–1907 годы). Однако фольклор не был главной целью этих поездок.

После окончания в 1903 году Петербургского археологического института Н.Е. Ончуков в течение двух лет работал в качестве регистратора в Этнографическом отделе Русского музея в Петербурге. Этнографический отдел находился в стадии становления, и молодой ученый увлеченно работал над разбором и описанием этнографических коллекций. Кроме того, были еще и этнографические экспедиции.

В 1903–1904 году Императорское Русское Географическое Общество вновь направило его на Север для сбора фольклора, а Академия

наук поручила ему во время этой поездки разыскивать среди населения древние рукописи и старопечатные книги. Им было доставлено в Рукописный отдел библиотеки Академии наук 147 рукописей. Летом 1904 года по командировке Этнографического отдела музея он выезжал в Олонецкую и Архангельскую губернии для сбора коллекции по материальной культуре. В результате Русский музей получил более ста предметов крестьянского быта. Конечно, столь интенсивная работа по сбору предметов материальной культуры отвлекала Н.Е. Ончукова от записей фольклора, в чем он отдавал себе ясный отчет. В письме к В.И. Срезневскому от 28 июня 1903 года он сообщал о результатах своей экспедиции в Поморье: «Моя нынешняя поездка в отношении записей очень бедна — просто не знаю, как я буду отчитываться перед Географ.[ическим] обществом; зато для 2-го отделения академии я сделал все, что было можно: приобрел около 50-ти рукописей разного содержания (есть интересные), побывал во многих старых церквях и привел в известность находящиеся там рукописи» (РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2855). Все же новых фольклорных материалов, собранных за пять лет экспедиции, оказалось достаточно еще на два сборника: «Северные сказки» и «Северные народные драмы» (Ончуков, 1909; Ончуков, 1911).

В 1908 году неожиданно для всех Н.Е. Ончуков резко оборвал научную деятельность и покинул Петербург. В истории русской фольклористики никак не объясняется этот более чем десятилетний период научного «молчания» Н.Е. Ончукова. Сам он рассказал об этом этапе своей жизни в «Автобиографии»: «В моем родном Сарапуле к этому времени прекратилась газета, и мне предложили ехать туда в качестве редактора новой прогрессивной газеты (“Прикамская жизнь”. — А.Н.). Я уехал в Сарапул в 1908 году. Проживя до этого 10 лет в Петербурге и работая в столичных газетах, в то время уже бесцензурных (после революции 1905 года), я, конечно, и в редактируемую мною провинциальную газету внес приемы столичной прессы: независимость суждений и обличение всяких не порядков, не считаясь ни с кем и ни с чем. Зато я сразу же восстановил против себя всех власть имущих. Городская дума (конечно, купеческая) и земство, полиция и прокуратура, а главным образом купечество сразу же ошетинилось, не будучи в состоянии переварить постоянные обличения газеты. Посыпались жалобы губернатору, возбуждение против меня как редактора судебных процессов за диффамацию, клевету в печати и пр. и тому под. А обличать было что: купцы Бодалевы, рас-

пространяя пиво своего производства, спаивали народ, покрыв край сетью своих пивнушек; купцы Пешехоновы эксплуатировали своих рабочих и жестоко обращались со служащими у них и пр. Купцы не выдержали обличений газеты и открыли свою газету “Кама”, руководителем которой стала группа местных адвокатов (Ксенократов и др.), с целью защититься от нападок “Прикамской жизни” и если можно, то и совершенно убить... Получалась странная коллизия: прогрессивная, беспартийная газета “Прик. [амская] жизнь” стояла на страже интересов бедного мещанства и рабочих города и крестьянства, а более левая газета “Кама” (эсеровская), издававшаяся на деньги купцов, конечно, замалчивала темные делишки купцов и защищала их интересы. И все время редактирования газеты мне приходилось вести неустанную борьбу на несколько фронтов сразу: с мелкими полицейскими придирками (полиция возбуждала процессы даже за напечатания объявлений без разрешения), с губернской властью, душившей газету тучей циркуляров и запрещений (особенно во время войны и распутиновщины), с местными адвокатами (кадеты и эсеры), горой защищавшими купцов. В 1913 году местный прокурор (Шкляев) за ряд заметок возбудил против меня преследование по ст. 282 и 1138, карающим годом тюрьмы, и я был отдан под гласный надзор полиции. В 1915 году я был оштрафован губернатором Страховским на 500 рублей за корреспонденцию о беспорядках на фабрике в Боткинском заводе. В купечко-адвокатской газете все время была травля самая яростная и нашей газеты и меня лично до того, что в 1916 году я был уже вынужден привлечь редактора “Камы” за клевету в печати, и окружной суд приговорил редактора “Камы” Новикова на три недели в тюрьму» (Налепин, 1995, 83).

Однако было бы ошибкой считать, что сарапульский период его жизни был всецело отдан журналистике. В 1909 году при его активном участии был создан Сарапульский земский музей, а в 1913 году Общество изучения Прикамского края. С 1910 по 1917 год музей, а затем и Общество издавали «Известия Сарапульского земского музея» и «Известия Общества изучения Прикамского края».

Долгим и мучительным был путь возвращения Ончукова в науку. Во время Гражданской войны он находился в Сибири, работая фельдшером в больницах. В письме к А.И. Соболевскому от 19 июня 1922 года он рассказывал: «Что касается меня, то я уже 4 года в Сибири, в добровольной ссылке <...> Моя жизнь за это время — сплошная фантастика, калейдоскоп какой-то! В 20 г., напр., весной был мо-

билизован как “лекпом” для “бой-работы с тиф-эпидемией” (хорош русский язычок!) в Забайкалье и жил на берегу Байкала. Срочно вызвали лекпомов, желающих стать врачами в Иркутск, для отправки в Томск, в университет. Я выехал. Не только в Томск не отправили, но и в Иркутск[ий] унив[ерситет] на медфак не приняли (“стар, не способен учиться, был слишк[ом] долгий перерыв в мед[ицинской] практике”. А летом работал на Байкале и даже заведовал целой тифозн[ой] больницей — это ничего?!). На мед[ицинский] факульт[ет] я, одним словом, не попал. Но меня легко приняли на историческое отдел[ение], и я с увлечением начал учиться (всю жизнь чувствовал пробел высш[его] философск[ого] и историческ[ого] образования)» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 277).

В это время Н.Е. Ончукову исполнилось уже 50 лет. О годах Гражданской войны Ончуков впоследствии написал воспоминания, понимая, какими ценными для будущего историка окажутся свидетельства современника событий тех лет (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 36).

О своей учебе в Иркутском университете Н.Е. Ончуков рассказывал в письме от 30 мая 1921 года В.И. Срезневскому: «На старости лет вздумал было учиться в местн[ом] университете и поступил на 1-й курс Исторического отделения. Но через 2 1/2 месяца моего студенчества, по представлению одного профессора (петроградца, он скоро приедет в Петр[оград] и зайдет к Вам в Академию), был избран профессорск[им] стипендиатом по кафедре истории русской литературы и теперь готовлюсь к магистерскому экзамену. Не знаю, что из этого выйдет <...> Вы же не удивляйтесь. Нынче таких “молодых” (под 50 л[ет].) ассистентов и стипендиатов из “подающих надежды” и “начинающих” “ученых” — очень много.

Но, Вс[еволод] Изм[айлович], не лежит душа моя к Сибири! Тянет меня в Европ[ейскую] Россию <...> Годы мои уходят, но интерес к науке (истории и литературе) как будто еще обострился, во всяк[ом] случае стал шире и глубже; благо, теперь уж не отвлекают разн[ые] влечения молодости. Все почти страсти потухли, но осталась одна большая и ничем неугасимая потребность к знанию. Да кроме того, все время тревожит сознание, что остаток дней своей жизни нужно провести с пользой для родины» (РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 2855).

В иркутский период жизни пятидесятилетнего «профессорского стипендиата» произошло и крайне важное для ученого событие. После пятнадцатилетнего перерыва возобновилась его экспедиционная

работа, и за лето 1922 года он совершает две поездки, в Забайкальский край и Балаганский уезд для сбора фольклорного и этнографического материала по заданию Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. В 1922 году Н.Е. Ончуков переехал из Иркутска в Пермь и начал преподавать в Пермском университете. Он сотрудничал в «Пермском краеведческом сборнике», принимал участие как представитель Губернского выставочного комитета в этнографических экспедициях по Чердынскому, Пермскому и Усольскому уездам для сбора предметов материальной культуры для Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Он также участвовал в этнографических экспедициях по Чердынскому уезду.

Осенью 1924 года Н.Е. Ончуков возвратился в Петроград и снова активно включился в научную деятельность. В эти же годы в Ленинград вернулся Д.К. Зеленин, чей приезд в значительной мере способствовал возрождению интенсивного изучения фольклора. В своей неопубликованной статье «Изучение фольклора» Н.Е. Ончуков так характеризовал этот период: «В Ленинградском университете есть даже специальный курс по записи произведений народного творчества, ведшийся сначала академиком Е.Ф. Карским, а затем за его отказом переданный пишущему эти строки. При научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Гос[ударственном] университете прошлой осенью образовалась особая секция “живой старины” — по изучению фольклора, которая при 14 секциях института по составу и по значению приравняется по кр[айней] мере одной трети института. Председателем ее избран известный ученый, уралец по происхождению (Сарапульского уезда) проф[ессор] Д.К. Зеленин, а секретарем — также уралец по рождению (тоже сарапулец) доцент университета Н.Е. Ончуков» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 44). Среди членов секции «Живой старины» были также Е.Ф. Карский, П.А. Лавров, Л.В. Щерба и др., и была она «очень разнообразна по составу: этногр[афы], восточники, классики и пр.» (РГАЛИ Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 44).

В 1925 году Н.Е. Ончуков написал для «Сборника памяти Н.А. Котляревского» большую работу «Верования наших дней», где была предпринята попытка проанализировать изменения в религиозной жизни России после революции 1917 года, которая предоставила возможность старообрядцам свободно «оказывать» свою веру.

«Попробую отметить те психологические сдвиги, — писал Н.Е. Ончуков, — происшедшие за это время в русском расколе старообрядче-

ства, в сектантстве и быв [шей] господств[ующей] церкви, поскольку все это могло попасть в мое поле зрения. Мои наблюдения были случайны, и приводимое, конечно, не отражает всего того, что произошло за время революции в верующей части русского народа» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 44). Используя материал, собранный им во время пребывания в Сибири, Н.Е. Ончуков впервые попытался показать эволюцию баптизма, старообрядчества и православной церкви, их приспособляемость к новым социальным условиям. Особый интерес представляют сообщаемые им факты о возникновении в этот период произведений фольклора с острой религиозной окраской: «Глубокие события в церковной жизни вызвали появление мистических настроений, вызвали целый фольклор специфического характера. Выступили на сцену вещие сновидения, предчувствия, легенды и пр.» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 44). Рукопись иллюстрируется рядом примеров; она композиционно стройна и аргументирована. К этой теме Н.Е. Ончуков вернулся еще раз в 1927 году, когда по заданию Отделения этнографии Русского Географического Общества выезжал в Уральскую область для сбора сведений о быте уральских старообрядцев (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 112). Им были исследованы секты «бегунов», а также так называемая «австрийщина» (секта «белокриницкое согласие»).

Особенно много научных удач принес ученому 1926 год, когда он был командирован для этнографических исследований в Верхотурский округ на Урале. Приехав в Свердловск, Н.Е. Ончуков решил ознакомиться с фольклорными материалами, хранящимися в архиве Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Материал показался ему настолько интересным, что он даже отложил свою командировку и одиннадцать дней работал в архиве. Обзоры просмотренных им материалов («Фольклор в рукописном отделе библиотеки УОЛЕ в Екатеринбурге» и «Заветные песни. Выписки из архива УОЛЕ») хранятся в настоящее время в РГАЛИ (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 56; 59).

В Свердловске Н.Е. Ончуков познакомился с заведующим Тюменским окружным музеем Л.Р. Шульцем, который попросил Н.Е. Ончукова «съездить с ним в Тюмень — разобраться в материалах фольклорного характера, оставшихся после смерти местного собирателя П.А. Городцова, и определить их пригодность. Поехал я в Тюмень на 2–3 дня, но материалы оказались настолько интересны и ценны, что я пробыл в Тюмени 8 дней, сделал в местном ученом об-

шестве доклад о них и с благодарностью воспользовался предложением Тюменского исполкома, предложившего мне съездить в Тавдинский край — место работы П.А. Городцова — для статистико-экономического исследования края и чтобы продолжить работы Городцова по фольклору. В Тавдинском крае я пробыл три недели, интересуясь, главн[ым] образ[ом], состоянием фольклора в крае. В Верхотурский округ на это лето я уже не поехал» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 57).

Петр Алексеевич Городцов с 1894 года жил и работал в Западной Сибири в качестве юрисконсультанта тюменских отделений Государственного банка. Он, разъезжая по делам службы по сибирским деревням, вплоть до кончины в 1919 году проводил любительские этнографические и фольклористические исследования. Возможно, идею эту подсказал ему брат, выдающийся русский археолог В.А. Городцов. Известно ценное по материалам исследование П.А. Городцова «Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда». Менее знакомы другие его работы: «Азап-юрты (западносибирская легенда)», «Западносибирские легенды о сотворении мира и борьбе духов», «Чудь. Западносибирская легенда», «Два гаданья у крестьян Тюменского уезда» (Городцов, 1909–1916) и некоторые другие.

Ончукова настолько привлекли материалы П.А. Городцова, что лето 1926 года он посвятил поездке по местам его работы. Н.Е. Ончукова интересовали изменения в крестьянских обрядах и праздниках, произошедшие со времени фиксации их П.А. Городцовым. Свои наблюдения и выводы Н.Е. Ончуков изложил в рукописи 1926 года «Уходящий быт» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 57). Н.Е. Ончуков всегда утверждал, что «фольклор каждой местности глубоко, неразрывными узами связан с краем, где фольклор бытует: не только с его историей, а еще больше с физической природой края, с его экономической наконец», и именно поэтому он так много внимания в статье уделил описанию Тавдинского края, включив в него: районирование, рельеф местности; природные условия, растительный и животный мир, национальный состав населения, формы хозяйства, количество сельсоветов и школ, особенности диалекта и другое. Обнаружил Н.Е. Ончуков и многие зафиксированные в 1906–1908 гг. П.А. Городцовым обряды, «которые хотя и приурочиваются к христианским праздникам, но, несомненно, содержат, носят в себе и много чисто языческих пережитков». Говоря об отмеченной еще П.А. Городцовым вариантности некоторых обрядов, Н.Е. Ончуков подчеркивал, что

«это значит только, что обряды уже отживают свой век, население перестает серьезно к ним относиться, не считает важным придерживаться точно установленного ритуала, если таковой был». Так, П.А. Городцовым был описан праздник «Яичное заговенье» (перед Петровым постом), когда «в разгар веселья женщины и девушки бегают взапуски; затем женщины начинают борьбу между собой (девушки в борьбе отнюдь не участвуют), затем начинают борьбу и мужики, но обязательно с холостыми парнями. Заканчивается праздник общим купанием в реке или озере». Н.Е. Ончуков отмечал, «что многие обряды держатся нынче чисто по традиции, исполняются полушутя, “смехом”, превращаются в игру. Один из моих сказочников, умный и развитой И.И. Липчинский, когда я стал расспрашивать его про Яичное заговенье, он, подтверждая мои расспросы и сам дополняя их, все время оговаривался, что многое на празднике делается как бы в шутку. Напр[имер], в шутку нынче бабы бегают оперегонки друг с дружкой, в шутку перескакивают через колышек, особенно в шутку борются друг с дружкой. Однако одно уже то, что девицы в борьбе не участвуют, показывает, что прежде борьба женщин была вполне серьезным делом, ей придавалось какое-то ритуальное значение». Обряд заготовления впрок на целый год в Великий четверг «молчальной» воды, которая якобы исцеляет «от уроков, испугов и пр.», также претерпел, по мнению Н.Е. Ончукова, существенные изменения: «Обряд, несомненно, интересен, но берет сомнение, что он уже бытует теперь. Дело в том, что он уже пародируется в сказках. Я записал в дер[евне] Самарьянах от старика 76 лет очень остроумную сказку-анекдот, в которой играет роль “молчальная вода”. А то, что вводится в шутку и пародируется, в то уже потеряна вера и то в непродолжительном времени серьезно исполняться не будет, по кр[айней] мере частью населения. Таким же образом превращен нынче в сплошную буффонаду и обряд проводов масленицы, некогда исполнявшийся, несомненно, вполне серьезно. Мною записана в 1907 г. в селе Нижмозере на р. Онеге игра “Маврух”, где налицо очень кощунственная пародия на церковное отпевание, — разве это не говорило за падение серьезного отношения к церковному обряду в известной части крестьянства уже в то время?» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 57).

Н.Е. Ончуков отмечал также, что все еще значительная часть местного населения продолжала верить в силу заговора: это тоже черта «уходящего быта», и он подробно классифицировал народные представления такого рода. «Я записал, действительно, необычайно мрач-

ные способы, при которых, по представлению на Тавде, можно вступить в сношения с темной силой. Напр[имер], нужно идти в полночь без креста, без пояса в баню, отречься от отца и матери и всего святого, предаваться сатане и пр.» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 57) Н.Е. Ончуков приводит список бытовавших на Тавде во времена П.А. Городцова (по рукописи того) «способов использования темных демонических сил для блага человека».

В этом перечне указаны поверья об «огненном крылатом змее», помогающем разбогатеть, о «способах передачи заговоров и заучивания их», о способе «счастливо играть в карты», «получить неразменный рубль» и т. п. Есть в нем и колдовской «прием при скидке смолы, чтобы промысел был удачен» и прочее.

Большое место в рукописи Н.Е. Ончукова занимают живые этнографические зарисовки и рассказы об уже исчезающих обычаях и традициях. В частности, он сообщает о существовавшем еще в начале XX века на Тавде *«институте гостеприимной проституции»*. Плодотворная работа фольклориста, считал Н.Е. Ончуков, невозможна без четкого представления о быте, обычаях, верованиях населения данной местности. «Вообще я считаю, — писал он, — что фольклористы выясняют “живую старину” быта местностей, где работают, во всей ее широте и многообразии. Многие, что считается созданием фантазии или сатирой, оказалось бы взятым из действительности» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 57).

В Тюменском архиве Н.Е. Ончуков обнаружил также тетрадь с записями 39 сказок и 24 легенд, сделанных П.А. Городцовым в 1906–1908 годах (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 80). Н.Е. Ончуковым была продолжена работа по собиранию сказочного материала в местах, где работал за двадцать лет до него П.А. Городцов. Всего Н.Е. Ончуков записал 85 сказок и предполагал выпустить сборник, состоящий из двух частей: 1) сказки, записанные П.А. Городцовым и 2) сказки, записанные Н.Е. Ончуковым; однако этот замысел оказался, к сожалению, неосуществимым. Замечательна была сама идея сборника показать динамику изменения жанра сказки одного региона за двадцать лет, в период резкого изменения социальных устоев глухой сибирской деревни. Научная общественность ознакомилась лишь с обзором этих сказок, опубликованным Н.Е. Ончуковым в трудах Сказочной комиссии (Сказочная комиссия, 1928). Н.Е. Ончукову удалось издать незначительную часть материалов П.А. Городцова. В 1928 году в «Пермском краеведческом сборнике» появился из-

вестный очерк Н.Е. Ончукова «Масленица» (Ончуков, 1928), где были воспроизведены записи масленичных игр, сделанные П.А. Городцовым в 1908 году.

Материалы П.А. Городцова, хранящиеся в архиве Н.Е. Ончукова, представляют несомненный интерес для фольклористов и этнографов. В частности, заслуживает внимания сохранившееся письмо П.А. Городцова своему брату (очевидно, В.А. Городцову) от 4 августа 1916 года, где были воспроизведены обнаруженные П.А. Городцовым неизвестные в науке *земельные знаки* сибирских крестьян. Размышляя над природой этих своеобразных *знаков-иероглифов*, П.А. Городцов заканчивал свое письмо брату следующими словами: «Должен тебя предупредить, что земельные знаки крестьян и иероглифы вогулов я изобразил тебе так, как они сохранились в моей памяти, и за полную точность их я не ручаюсь; собрать же и записать эти знаки мне не удалось, п[отому] что для этого я не имел времени. Поэтому не пользуйся этим письмом в своих работах, как документом, так как возможны ошибки. Когда я соберу на месте эти знаки и проверю их, я тогда пришлю их тебе.

Не может быть сомнения в том, что земельные знаки крестьян имеют большую древность и идут к нам от времен такой глубокой древности, когда грамоты еще не знали и современного шрифта еще не существовало, но едва ли можно отрицать и то, что на начертание современных знаков собственности мог иметь влияние и современный алфавит. В более элементарных формах такие знаки свойственны всем народам мира и, по-видимому, даже сходны у них, а потому едва ли можно допустить предположение, что эти знаки представляют собой буквы древнеславянского, теперь уже забытого алфавита <...> Должен сознаться, что я рисую хуже вогула» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1, Ед. хр. 95). Полностью текст письма с рисунками П.А. Городцова был опубликован в 1988 году (Налепин, 1988).

Интерес П.А. Городцова к земельным знакам крестьян был не случаен. Его брат В.А. Городцов в течение двадцати лет пытался воссоздать систему древнеславянского алфавита, которая, по его мнению, походила на руническую. В 1897–1898 годах при раскопках погребений близ села Алеканова в Рязанской губернии В.А. Городцовым были обнаружены два сосуда (погребальный и бытовой) X–XI вв. с неподдающимися расшифровке знаками. В.А. Городцов предполагал, что эти знаки — в большей мере «памятники доисторической письменности, чем клейма или родовые знаки <...> Остается одно более

вероятное предположение, что знаки представляют из себя литеры неизвестного письма, а комбинации их выражают какие-нибудь мысли мастера или заказчика. Если же это верно, то мы имеем в своем распоряжении до 14 букв неизвестного письма» (Городцов, 1898, 371).

После того как лингвисты не смогли расшифровать знаки алекановских сосудов, В.А. Городцов в своих многочисленных трудах к этой проблеме более не возвращался. Хранящееся в архиве Н.Е. Ончукова письмо П.А. Городцова свидетельствует, что В.А. Городцов не считал эту тему закрытой для себя. Видимо, накапливался материал (в том числе и тот, который собирал в Сибири брат), привлекались данные смежных с археологией наук, и помощь брата-этнографа была как нельзя кстати. Остается надеяться, что эти материалы будут когда-нибудь обнаружены и опубликованы.

Н.Е. Ончуков делал все от себя зависящее, чтобы «открыть» для русской этнографической науки имя П.А. Городцова как нового оригинального ученого. В его архиве сохранились заметки к биографии П.А. Городцова, а также ряд его этнографических очерков и материалов по фольклору. Н.Е. Ончукову не удалось осуществить задуманное, и работы П.А. Городцова все еще неизвестны для исследователей, хотя даже хранящиеся в архиве Н.Е. Ончукова немногочисленные материалы П.А. Городцова несут на себе печать научной уникальности.

В течение многих лет Н.Е. Ончуков являлся членом различных научных обществ и организаций: с 1901 года членом Императорского Русского Географического Общества; с 1903 года сотрудником Петербургского археологического института; с 1907 года членом Вятской ученой комиссии; с 1909 года членом-учредителем Сарапульского музея; с 1913 года членом-учредителем Общества изучения Прикамского края; с 1925 года научным сотрудником Центрального бюро краеведения, членом Библиографической комиссии Центрального бюро краеведения; с 1925 года действительным членом и ученым секретарем Ленинградского отделения Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; с 1927 года почетным членом Общества изучения Чердынского края.

Летом 1928 года в составе экспедиции Отделения этнографии Русского Географического Общества Н.Е. Ончуков совершил поездку в Лодейнопольский округ Олонецкой губернии. Экспедиция ставила своей целью изучить *фольклор одной деревни* (Шокшозеро), и

Н.Е. Ончуков записывал сказки. Результаты поездки в Шокшозеро он обобщил в статье «Сказки одной деревни» (Ончуков, 1934). Это была последняя экспедиция Н.Е. Ончукова. В сентябре 1928 года он с огорчением писал А.И. Соболевскому: «Я записал 100 сказок. Только, что я с ними буду делать, теперь у меня два ненапечатанных сборника» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 277).

В тридцатые годы Н.Е. Ончуков отходит от собирательской деятельности и активно начинает заниматься исследовательской работой. В 1930 году вышла в свет его статья «Запрещенные песни о Константине и Анне» (Ончуков, 1930), а в 1935 году «Песни и легенды о декабристах» (Ончуков, 1935), которое является самым известным исследованием ученого в этот период. Все эти годы Н.Е. Ончуков работал в тесном контакте с руководителем Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичем, который писал, что в 1930–1932 гг. Н.Е. Ончуков «был занят написанием своей работы “Песни и легенды о декабристах”, которая нынче печатается в 5-м выпуске сборника “Звенья” которые я редактирую и в редакционном портфеле которых имеются еще работы Н.Е. Ончукова» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 121).

В первую очередь необходимо назвать статью «Песня о Пугачевском бое», предназначенную для VIII выпуска «Звеньев» В фонде Н.Е. Ончукова в РГАЛИ хранится автограф и верстка с правкой автора (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 4). Н.Е. Ончуков располагал фольклорным сборником поэта пушкинской поры Д.П. Ознобишина, в котором он обнаружил неизвестную историческую песню о Пугачеве. Д.П. Ознобишин в свое время готовил к печати тексты, доставшиеся ему после смерти П.В. Киреевского и не вошедшие в сборник последнего. Н.Е. Ончуков подробно проанализировал текст этой исторической песни, но статья объемом в 29 машинописных страниц, так и не увидела свет. В 1957 году В.И. Чичеров заинтересовался этой работой Н.Е. Ончукова и предполагал вторично подготовить ее к печати. 7 мая 1957 года С.И. Минц, работавшая в Литературном музее, отправила ему текст этой статьи (РГАЛИ. Ф. 1549. Оп. 1. Ед. хр. 194), однако подробно ознакомиться с ней он не успел. 11 мая 1957 года В.И. Чичеров скончался.

До 1934 года Н.Е. Ончуков работал «научным сотрудником I разряда» Института речевой культуры, а в 1934 году ему была назначена академическая пенсия, и он переехал в Пензу. 8 января 1937 года в газете «Рабочая Пенза» была напечатана последняя статья Н.Е. Он-

чукова «Бова Королевич и Бова Пушкина», текст которой в 1983 году стал доступен научной общественности (Налепин, 1983, 197–198).

Ряд других работ ученого все еще остается неопубликованным. В РГАЛИ хранится обширная статья Н.Е. Ончукова «Пушкин в фольклоре» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 41), где автор впервые попытался проанализировать бытование образа великого русского поэта в народно-поэтическом творчестве. Статья «Песни в лубках» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 32) исследует отражение песенного фольклора в искусстве лубка, а статья «Лубочные картинки» (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 18) представляет собой подробное описание лубочных картин, находившихся в V отделении Библиотеки Академии наук.

В конце 1930-х годов Н.Е. Ончуков по ложному доносу был незаконно репрессирован. Он был арестован и помещен в лагерь, где постоянно подвергался унижениям со стороны заключенных-уголовников. Судьба сыграла с ним злую шутку. Известный отзыв В.И. Ленина о сборнике «Северные сказки» вошел во все хрестоматии и учебники по фольклористике и таким образом имя ученого не было изъято из научного оборота (Бонч-Бруевич, 1954, 118). Он *трагически* скончался в лагере вскоре после своего семидесятилетия (Налепин, 1998, 16–17). Выдающийся русский фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков был похоронен в безымянной могиле у железнодорожной насыпи недалеко от станции Пенза.

Введение в научный оборот его забытых работ представляет несомненный интерес для современной фольклористики и этнографии. Их автор был классическим представителем тех талантливых самоучек-дилетантов, которые с удивительным трудолюбием творили свой научный подвиг и сделали очень много для изучения культуры народов многонациональной России. Классик отечественной фольклористики, Николай Евгеньевич Ончуков был именно таким самородком, вдумчивым и талантливым ученым, много сил отдавшим изучению народно-поэтического творчества своего народа и разделившим с русским народом его трагическую и великую судьбу.